

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 16.

1-го Августа

1873 года.

Содержаніе.— Воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа.— Объясненіе первой главы евангелія отъ Луки.— Отличительный характеръ евангелія Іоанна.

ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІСУСА ХРИСТА.

(Продолженіе).

Ко всѣмъ доказательствамъ невозможности преступленія, въ которомъ обвиняють Апостоловъ, мы прибавимъ еще одно, очень сильное—это возраженіе ихъ враговъ, которое окончательно подтверждаетъ дѣйствительность воскресенія. Іудеи утверждали, что ученики І. Христа, пришедши ночью, украли Его тѣло, во время сна воиновъ. Матѣ. XXVIII. 13.

Св. Матѣей, писавшій свое Евангеліе не болѣе какъ чрезъ 8 или 10 лѣтъ послѣ чуда воскресенія, свидѣтельствуя о немъ, присовокупляетъ, что эта молва съ его времени распространилась въ народъ. Какъ бы онъ осмѣлился приписать ее своимъ врагамъ,

сознавая несправедливость своихъ словъ? Почему никто изъ нихъ не обличилъ его во лжѣ? Начальники націи должны были наказывать его за несправедливое обвиненіе ихъ въ такой выдумкѣ,—а между тѣмъ его свидѣтельство не только не встрѣтило опроверженія, но подтвердилось даже противниками. Враги христіанства того времени, намѣренно обвиняя Апостоловъ въ глазахъ своихъ послѣдователей, до такой степени распространили молву о похищеніи тѣла во время сна воиновъ, что она передавалась изъ устъ въ уста невѣрными послѣдующихъ вѣковъ. Цельсъ, Порфирій, Юліанъ ничѣмъ другимъ не опровергали свидѣтельства Апостоловъ; деятели нашего времени, по примѣру своихъ предковъ, горячо поддерживаютъ тоже обвиненіе.

Изъ того, что современники воскресенія и ихъ послѣдователи основывали свое опроверженіе только на исторіи событій, слѣдуетъ два важныхъ заключенія.

1-е. Если бы, въ настоящее время, ктонибудь изъ деистовъ вздумалъ представить новую исторію событій, мы очень основательно спросимъ его, откуда вы это узнали? Какъ, по истеченіи столькаго времени, можете вы ссылаться на то, о чемъ не говорилъ ни одинъ изъ вашихъ предшественниковъ? Если ваши показанія справедливы, то неужели они небыли извѣстны первымъ врагамъ религіи? Если же были извѣстны, то могли ли они умолчать о нихъ? Деисты, безъ сомнѣнія, не будутъ оспаривать справедливость этихъ возраженій.

2-е) Повѣствованіе Евангелистовъ согласуется съ подтвержденіемъ стражи въ томъ, что тѣло І. Христа погребенное въ пещицу послѣ полудня и лежавшее еще во гробѣ, когда приставлена была стража и запечатана могила, въ воскресеніе уже не обрѣлось въ немъ. Согласіе противоположныхъ сторонъ въ этомъ пунктѣ, дѣлаетъ его неопровержимымъ. И такъ, это двойное свидѣтельство, разсѣвая всякое сомнѣніе относительно времени, представляетъ разницу только въ томъ, что утвержденіе апостоловъ о воскресеніи І. Хр. опровергается утвержденіемъ стражи, будто тѣло его было похищено во время ея сна. Теперь остается разобрать, которое

изъ этихъ двухъ утверждений болѣе справедливо? Доказавъ по-
жительно, что рассказъ иудеевъ есть нелѣпная басня, мы уничто-
жимъ послѣднюю попытку невѣрующихъ опровергнуть достовѣрное
повѣствованіе Евангелистовъ о воскресеніи Иисуса Христа.

При намѣреніи похитить тѣло, порученное надзору воиновъ,
нужно было имѣть неимовѣрную дерзость, чтобъ пробраться въ
ихъ центръ и полную увѣренность застать ихъ спящими. При блѣ-
ннѣ хотя одного воина изъ стражи, преступленіе неминуемо долж-
но было быть открыто, виновные задержаны и отправлены на мученіе.
Невозможно допустить, чтобъ такіе робкіе люди какъ Апостолы,
готовы были идти навстрѣчу страшной опасности. Впрочемъ до-
пустимъ и то, что они условились только казаться робкими, на
самомъ дѣлѣ будучи дерзки до безрасудства. Предположимъ, что
они, въ полной увѣренности найти стражу уснувшую, условились
сломать печать, отвалить огромный камень, закрывавшій входъ въ
могилу, похитить тѣло и уйти такъ легко и тихо, чтобъ изъ всей
стражи, расположенной вокругъ гроба, не разбудить ни одного
человѣка. Допустимъ удачное исполненіе этой нелѣпной идеи, въ то
самое время, когда стража была погружена въ такой глубокій сонъ,
что ни одинъ воинъ не проснулся отъ сильнаго шума, неизбежна-
го при этомъ дѣйствіи. Кромѣ злодѣйскаго умысла и неописанной
дерзости похитить тѣло для осуществленія безумнаго плана, апо-
столы необходимо должны были имѣть въ виду интересъ, соответ-
ственный опасности, неминуемо угрожавшей имъ. Какое же благо
надѣялись они извлечь изъ этого мертваго тѣла? Какой помощи
ожидали они отъ того, Кто не могъ спасти самаго себя? Небо
грозило имъ только проклятіемъ и страшнымъ осужденіемъ; земля
— готовила только поношенія, угнетенія, мученія.

Предполагая въ Апостолахъ не постижимое проворство и дов-
кость, съ какими совершили они такое трудное предпріятіе, имъ
въ тоже время приписываютъ удивительную оплодность. Вместе
того, чтобъ успѣшно унести похищенное тѣло, обвитое погре-
бальными пеленами, они, будто забавляясь развитіемъ ихъ, какъ

нарочно теряли въ этой операціи, слишкомъ дорогое для нихъ время.

Выборъ стражи былъ для Иудеевъ дѣломъ очень важнымъ: почитая необходимымъ приставить ее ко гробу, они слѣдовательно предвидѣли замыселъ Апостоловъ похитить тѣло Иисуса съ цѣлю, провозгласить Его воскресеніе. По этому можно судить, съ какою осторожностію избирали они воиновъ самыхъ неподкупныхъ, самыхъ бдительныхъ, самыхъ преданныхъ своей партіи, способныхъ, однимъ словомъ, обнаружить обманъ, котораго они такъ страшились; съ какою заботою отдавали они самую строгія и положительныя приказанія этимъ часовымъ. Срокъ отправленія порученной имъ службы ограничивался самымъ короткимъ временемъ: они должны были стеречь могилу только до третьяго дня. Они понимали, что ночь, какъ самое удобное и почти исключительно возможное время для похищенія тѣла, должна была особенно усилить ихъ бдительность и вотъ, вѣрность этихъ людей, обусловленная столькими интересами, поколебалась до того, что они всё до одного уснули въ первую же ночь такимъ глубокимъ сномъ, что ничто не могло разбудить ихъ.

Если тѣло было похищено во время ихъ сна, то какимъ же образомъ они узнали объ этомъ? Какъ могли они во всей подробности объяснить дѣло, случившееся во время ихъ сна? Какъ могли назвать похитителей, которыхъ не видѣли? И эти то единственные свидѣтели, сознающіеся что они спали, могли породить столько невѣрующихъ древнихъ и новѣйшихъ временъ!

Изъ признанія воиновъ, что они спали, тогда какъ ихъ обязанность была бодрствовать и допустили похитить тѣло, порученное имъ надзору, слѣдуетъ то, что они, по ихъ собственному суду были крайне виновны, какъ нарушители военной дисциплины, строгость которой намъ хорошо извѣстна. Почему же они не были наказаны? Почему синедріонъ неопечалилъ ихъ ни малѣйшимъ выговоромъ? Тогда какъ чрезъ нѣсколько времени послѣ этого событія, мы видимъ, что Иродъ судилъ и велѣлъ казнить стражей, которымъ было поручено стеречь св. Петра, за то, что Апостоль

чудеснымъ образомъ скрылся изъ темницы. Дѣян. XII 19. Похищеніе тѣла І. Христа влекло за собой послѣдствія болѣе важныя, по этому интересъ князей и священниковъ Іудейскихъ требовалъ наказанія стражи, совершившей такое важное преступленіе; а между тѣмъ они ничего ни смѣли сдѣлать имъ.

Съ другой стороны, употребивъ столько заботъ и предосторожностей для предотвращенія злодѣйскаго умысла Апостоловъ, кои, по совершеніи его, не разыскиваютъ ихъ, не судятъ, не наказываютъ и даже ничего не говорятъ имъ. Но еще удивительнѣе то, что когда Апостолы, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, громко возвѣщая о воскресеніи ихъ учителя, начали устрашать синедріонъ успѣхомъ своей проповѣди; когда *многіе изъ слушавшихъ слово упровали*, тогда только призвали ихъ предъ великое собраніе начальниковъ націи. О чемъ же допрашиваютъ ихъ? О преступномъ похищеніи тѣла ихъ учителя, въ которомъ публично обвинили ихъ? Нѣтъ. Ихъ упрекаютъ въ благовѣстии о воскресеніи Ісуса; имъ приказываютъ *отнюдь не говорить и не учить о имени Его*; но ни слова не говорятъ о намѣренномъ злодѣяннн, которое приписывали имъ. Дѣян. IV 18. Почему синедріонъ умалчиваетъ о похищеніи тѣла, когда польза его требовала возобновить этотъ вопросъ съ тою цѣлію, чтобъ сразивъ Апостоловъ въ этомъ главномъ пунктѣ, заставить ихъ прекратить свою проповѣдь и однимъ ударомъ уничтожить ихъ партію. Препятствіемъ къ допросу могла служить единственная причина; синедріонъ не рѣшился на него потому, что не смѣлъ этого сдѣлать вслѣдствіе несомнѣнной увѣренности вмѣсто обвиненія Апостоловъ, навлечь общее негодованіе на себя. Могутъ-ли наши противники представить намъ другую причину удержавшую начальниковъ синагоги отъ процесса надъ Апостолами по поводу этого важнаго преступленія, не смотря на то, что ихъ собственный интересъ обезпечивался наказаніемъ свидѣтелей воскресенія?

Теперь повторимъ вкратцѣ сказанное. — Свидѣтели воскресенія не были ни мечтатели, ни сумасшедшіе, ни обманщики, ни злодѣи; они проповѣдали то, что видѣли, слышали и осязали многократно.

Многочисленные члены, составлявшие ихъ партію, благоговѣя о воскресеніи І. Хр. вслѣдъ за событіемъ, на мѣстѣ его совершенія и предъ лицомъ людей, имѣвшихъ всѣ средства къ опроверженію ихъ, никогда не противорѣчили себѣ ни относительно главнаго дѣла, ни его подробностей. Невѣроятно, чтобъ такой союзъ, составленный во имя жи, лишенной всякаго интереса, могъ поддерживаться такъ твердо и ненарушимо, не смотря на всѣ пративорѣчія, угнетенія, пытки; не смотря на полную увѣренность его членовъ, что если они отрекутся отъ своего свидѣтельства, то не только освободятся отъ всѣхъ этихъ золъ, но еще получать большія преимущества. Преступленіе, взводимое на нихъ съ цѣлію разрушить этотъ союзъ, не имѣло другихъ свидѣтелей кромѣ воиновъ, сознающихся, что они спали. Апостолы никогда бы не осмѣлились рѣшиться на подобную недѣльность, потому что при всей рѣшимости, не могли бы осуществить ее.

Ихъ враги, бывшіе въ тоже время и судьями, никогда не смѣли наказать ни проповѣдниковъ воскресенія, совершившихъ это преступленіе, ни воиновъ, допустившихъ совершить его. Найдется ли въ исторіи всѣхъ вѣковъ, хотя одно дѣло, совмѣщающее въ себѣ столько очевидныхъ доказательствъ физической вѣрности, какую представляетъ дѣло о несомнѣнности воскресенія?

Въ заключеніе, рассмотримъ послѣднюю попытку невѣрующихъ, которою они надѣются уничтожить наши доказательства о воскресеніи І. Христа. Почему І. Хр. по воскресеніи явился только Апостоламъ, а не всѣмъ, присутствовавшимъ при Его смерти? Явившись нѣсколькимъ личностямъ въ удостовѣреніе своего воскресенія, онъ не достигъ цѣли, тогда какъ явившись всей Іудеи, онъ могъ бы легко достигъ ея, потому что множество свидѣтелей уничтожили бы всякое противорѣчіе. Если бы І. Хр. воскресъ все-народно, тогда первосвященникъ, пораженный этимъ блистательнымъ чудомъ, призналъ бы въ немъ небснаго Посланника и своимъ вліаніемъ на убѣжденіе іудеевъ, разрѣшилъ бы сомнѣніе всего человѣчества; но тайнаго воскресенія недостаточно!

Тайное воскресеніе! Возможно ли употребить это названіе тамъ, гдѣ число свидѣтелей состояло болѣе нежели изъ пяти сотъ

человѣкъ? Такое значительное количество очевидцевъ придаетъ ему достоинство публичности. Впрочемъ, деисты, не довольствуясь этимъ доказательствомъ, настаиваютъ на необходимости воскресенія все-народнаго для убѣжденія противниковъ. О какихъ же противникахъ говорятъ они? Если о противникахъ того времени, о начальникахъ синагоги; то они, будучи очевидцами столькихъ чудесъ, совершенныхъ І. Христомъ всенародно, не вѣровали въ Него, не смотря на то, что ихъ исцѣленные и воскрешенные изъ мертвыхъ находились среди ихъ. Они отрицали только важность его чудесъ, но не могли оспаривать ихъ дѣйствительности, потому что слава о нихъ до такой стипени распространилась въ народѣ, что Апостолы, проповѣдуя объ этихъ чудесахъ, ссылались на ихъ собственное свидѣтельство. Дѣян. II 22 X. 37 38. Враги христіанства первыхъ вѣковъ, не имѣя средствъ къ опроверженію этихъ чудесъ, также не смѣли сомнѣваться въ нихъ. Воскресеніе І. Христа было только новое чудо, прибавленное ко множеству прочихъ и, послѣ этого, намъ говорятъ, что явленіе Его всей Іудеи, могло бы убѣдить ихъ! Впрочемъ, невозможно насильно открыть глаза человѣку, который, при болѣе обильномъ свѣтѣ, еще крѣпче смежаетъ ихъ.

Хотя противники нашего времени, представляютъ невозможность опровергнуть воскресеніе І. Хр., если бы оно совершилось также публично, какъ и Его смерть; но можноли искренно повѣрить этимъ словамъ, когда говорящіе ихъ отвергаютъ всякое доказательство въ дѣлѣ чудесъ? Одни говорятъ, что чудеса сами по себѣ невозможны; другіе—смѣются надъ всѣми человѣческими свидѣтельствами, отвергая даже всякую нравственную честность; третьи доказываютъ, что физическая вѣрность, основанная на человѣческомъ свидѣтельствѣ можетъ имѣть мѣсто только въ порядкѣ обыкновенныхъ вещей; но, для убѣжденія въ дѣлѣ сверхестественномъ, она недостаточна. Так. обр. въ словахъ враговъ воскресенія Хр. мы видимъ противорѣчіе самимъ себѣ! Свое собственное возраженіе, что чудеса не могутъ быть подтверждены свидѣтелями, они опровергаютъ тѣмъ, что повѣрили бы чуду воскресенія, если бы оно утверждалось большимъ числомъ свидѣтелей.

Предоставимъ эти противорѣчія ихъ произволу и рассмотримъ ихъ собственное умствованіе. Если истина доказана, оспариваютъ ли ее намѣреннымъ предлогомъ, что она не имѣетъ такого рода, или

такой степени свидетельства. Какая логика опровергает несомненность дѣла потому только, что ему не достаетъ воображаемаго доказательства? Какое дѣло до того, что воскресеніе не было засвидѣтельствовано именно такимъ способомъ, если оно и безъ того убѣдительно? Говорягъ, что при большой степени публичности, оно было бы убѣдительнѣе; но несомнѣнность его ничего не выиграла бы чрезъ это, тѣмъ болѣе, что существующія доказательства даютъ ему полную и совершенную достовѣрность. Неужели Богъ обязанъ сообщать своимъ чудесамъ доказательства самыя осязательныя, какія только возможны въ природѣ? Неоспоримо то, что онъ, какъ Господь, властенъ требовать отъ насъ вѣры въ свои откровенія безъ всякаго внѣшняго доказательства, безъ всякаго сужденія съ нашей стороны и что, вслѣдствіе той же свободы, имѣя власть располагать средствами для осуществленія своихъ цѣлей, Онъ властенъ сообщать имъ и степень силы по Своему хотѣнію. Изъ всѣхъ дѣлъ, отрицаемыхъ деистами, ни одно не имѣетъ болѣе полныхъ и очевидныхъ доказательствъ, какъ воскресеніе І. Христа. Чего же еще не достаетъ для ихъ увѣренія, когда, при помощи избранныхъ доказательствъ, всѣ здравомыслящіе люди убѣждены въ немъ? На безразсудный вопросъ невѣрующихъ, почему І. Христосъ не окружилъ свое воскресеніе большею торжественностію, мы отвѣтимъ: во первыхъ потому, что Ему это было не угодно. Не требовать ли намъ отчета во всѣхъ его дѣйствіяхъ? Мы не имѣемъ права вообще отрицать дѣла, причина котораго намъ не извѣстна, а тѣмъ болѣе въ случаѣ его принадлежности Тому, чьи судьбы непостижимы, и пути неизслѣдимы Римл. XI 33. Во вторыхъ потому, что въ этомъ дѣлѣ заключена тайная цѣль. Сами противники говорятъ, что если бы І. Христосъ воскресъ также всенародно, какъ и умеръ, тогда бы всѣ были *принуждены* повѣрить дѣлу; но это то самое принужденіе и не угодно Богу. Вмѣнивъ намъ вѣру въ обязанность, Онъ основалъ ее на доказательствахъ не только достаточныхъ, даже преизобильныхъ для свободнаго исполненія этой обязанности; но, возбѣжаніе принужденія, онъ, въ тоже время, лишилъ ее такихъ доказательствъ, которыя своею поразительностію невольно убѣдили бы насъ. Поставляя намъ добровольное усвоеніе вѣры въ непремѣнную обязанность, Богъ снабдилъ ее достаточными доказательствами и для того, чтобъ она могла служить намъ также источникомъ заслуги, потому

что безъ достаточныхъ доказательствъ мы не могли бы убѣдиться въ истинѣ дѣла, а при неотразимыхъ доказательствахъ вѣра не была бы свободна. Такъ въ своей Высочайшей Премудрости, сообщивъ доказательствамъ своихъ религіозныхъ истинъ необходимую степень свѣта, соразмѣрную съ нашимъ разумомъ и свободой, Богъ, по Своему безконечному милосердію, благоволилъ вмѣнять намъ вѣру въ добродѣтель, такъ легко усвоаемую чрезъ очевидныя доказательства, которыми окружаетъ ее.

ОБЪЯСНЕНІЕ

первой главы евангелія отъ Луки.

Первую главу евангелія отъ Луки, по различію предметовъ, входящихъ въ составъ ея содержанія можно раздѣлить на четыре части. Первая часть ея (4 ст.) содержитъ предисловіе къ евангелію; вторая (5, 38) повѣствованіе о зачатіи Іоанна Крестителя и І. Христа по благовѣстію архангела Гавріила. Третья (39—56) о посѣщеніи Пресвятою Дѣвою Марією праведной Елисаветы, и о слѣдствіяхъ сего посѣщенія, и четвертая (57, 89) объ обстоятельствахъ рожденія Іоанна Предтечи, съ краткимъ замѣчаніемъ о его жизни.

Въ предисловіи къ своему евангелію св. Лука высказалъ поводъ къ написанію его, цѣль написанія и отчасти очертилъ характеръ своего повѣствованія. Вотъ поводъ къ написанію евангелія св. Луки, цѣль написанія его и вмѣстѣ характеристическая черта повѣствованія. *Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ, якоже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слухи бывшии Словесе: изволися и мнѣ послѣдовавшу выше вся испитно, пояду писати тебѣ, державный Теофиле, даразумѣши, о нихъ же научился еси словесехъ утвержденіе (1—4).* Подъ многими разумѣются здѣсь писатели апокрифическихъ евангелій, во множествѣ появившихся въ то время, и извѣстныхъ доселѣ—подъ именами Маттея, Томы и другихъ апостоловъ, также подъ именемъ евангелія Никодима, Назореевъ, Египтянъ и Евреевъ. Имѣя кромѣ общей цѣли—представить, взаимнѣ сихъ, болѣе или менѣ ложныхъ повѣствованій, истинное, основанное на достовѣрнѣйшихъ источникахъ описаніе жизни и дѣлъ Христа Спасителя, св. Лука имѣлъ въ виду, при написаніи своего евангелія, еще цѣль частную, окончателно утвердить въ вѣрѣ нѣкоего Теофила,—по свидѣтельству св. Климента Римскаго, ученика своего, котораго св. Лука, прежде устно оглашалъ учениемъ Христовымъ, а потомъ почелъ нужнымъ наставить письменно. А для того, чтобъ описанное имъ ясное и раздѣльное запечатлѣ-

лось въ умѣ читателя, св. Лука общаетъ въ своемъ предисловіи писать обо всемъ *поряду*, т. е. начавъ рѣчь съ обстоятельствомъ предшествовавшихъ главнѣйшему предмету повѣствованія, вести оную съ строгою послѣдовательностію, — какъ онъ дѣйствительно и дѣлаетъ.

Ветхозавѣтные пророки предсказывали и благочестивые люди вѣрили, что дѣло спасенія грѣшнаго рода человѣческаго откроется пришествіемъ на землю и воплощеніемъ Сына Божія. Но по тѣмъ же пророчествамъ, Мессіи долженъ былъ предшествовать особый избранникъ и посланникъ Божій, каковъ и былъ Іоаннъ Предтеча. Посему евангелистъ, предположившій быть послѣдовательнымъ, и начинаетъ свое евангеліе повѣствованіемъ о предтечѣ. *Бысть во дни Ирода, царя Іудейска, Герей никій именовъ Захарія, отъ дневныхъ чредъ Авіани: и жена его отъ дочерей Аароновыхъ, и имя ей Елисаветъ. Быста же праведна оба предъ Богомъ, ходяще во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочна. И не бы има чада, понеже Елисаветъ бы неплоды, и оба замяторьши во днехъ своихъ быста.* (5—7). Словами *во дни Ирода, царя Іудейска* съ одной стороны опредѣленно указавъ на время событія, а съ — другой показавъ въ этомъ обстоятельствѣ исполненіе пророчества Патр. Іакова объ отыатіи предъ пришествіемъ Мессіи скиптра отъ Іуды, — евангелистъ говоритъ о происхожденіи Предтечи. Отецъ его былъ священникъ. Что же значитъ *отъ чредъ Авіани*? Изъ первой книги Паралипоменонъ (24 гл.) извѣстно, что Давидъ раздѣлилъ всѣхъ священниковъ на 24 чреды съ тѣмъ, чтобы священники каждой изъ 24-хъ очередей отправляли свою службу по-очередно, по недѣлямъ, — такъ какъ по причинѣ своей многочисленности они немогли священнодѣйствовать при храмѣ всѣ вмѣстѣ. Надъ каждымъ изъ сихъ классовъ былъ поставленъ свой начальникъ, однимъ изъ которыхъ былъ Авія. Потомкомъ и *дѣломъ наследникомъ* сего Авія и былъ Захарія. Какъ Отецъ Іоанна, такъ и мать, — изъ потомства Ааронова, — слѣдовательно — также священническаго, были оба праведны ненаружно только, — въ глазахъ людей но предъ очами Самаго Всевидящаго, Всеправеднаго Господа. Они всегда во всей точности исполняли какъ *заповѣди* Господни, предписывающія главнѣйшія обязанности религіозныя и нравственныя, — такъ и *оправданія* т. е. всѣ законы и постановленія гражданскіе, и всѣ законы и постановленія обрядовые. Предтечѣ Христову, какъ прелъ избранному для служенія величайшему чудеснѣйшему дѣлу Божію, надлежало не только произойти отъ благочестивыхъ родителей, но и зачатъся и родиться необычайнымъ образомъ. Елисавета была неплодна, — и праведники дожили бездѣтными до глубокой старости, — до того времени когда всякое ощущеніе естественной страсти совершенно прекращается въ людяхъ, — они становятся неспособными къ дѣторожденію. Такимъ образомъ

при двоякомъ препятствіи къ рожденію—со стороны не плодства Елисаветы и заматорѣлости обоихъ членовъ четы, праведные Захарія и Елисавета уже безъ всякой надежды на возможность для нихъ естественнаго чадородія смиренно доживали свой вѣкъ;—и въ это-то время Архангелъ приноситъ Захаріи необычайную и неожиданную вѣсть о будущемъ сверхъестественномъ зачатіи отъ Елисаветы дивнаго младенца. Это было такъ. *Бысть служащу ему въ чину чреды своея предъ Богомъ, по обычаю священства ключися ему покадити шедшу въ церковь Господню. И все множество людей бѣ молитву дѣя въ годъ ѳуміама. Явися же ему ангелъ Господень, стоя одесную олтаря кадилаго: И смутися Захарія видѣвъ, и страхъ нападе на-нь. Рече же къ нему ангелъ, не бойся Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветъ родитъ сына тебѣ, и наречеша имя ему Іоаннъ. И будетъ тебѣ радость и веселіе, и мнози о рождествѣ его возрадуются. (8—14).*

Кромѣ того, что чередовались между собою классы священниковъ, избранныхъ для служенія при храмѣ,—чередовались между собою—въ дѣлахъ служенія при храмѣ и отдѣльные члены каждаго очереднаго класса, раздѣляя между собою по жребію обязанности священнической службы. Обязанностей сихъ (какъ видно изъ 30-й гл. книги исходъ) было четыре: 1) приносить жертвы, разсѣкать и осолять жертвенныхъ животныхъ;—2) возжигать свѣчи на золотомъ седмисвѣчникѣ;—3) въ день субботный перемѣнять на священной трапезѣ хлѣбы преломленія и 4) воскурять въ алтарь ѳуміамомъ. Тогда какъ между другими священниками раздѣлены были три первыя обязанности, на долю Захаріи досталась эта послѣдняя *). Это и есть—*въ чину чреды своея*. Когда въ этомъ чину чреды своей Захарія кадиль ѳуміамомъ святой алтарь, недоступный для взоровъ народа, остававшагося во внѣшнемъ притворѣ храма, явился ему ангелъ одесную алтаря кадилаго,—въ знакъ того, что явился возвѣститъ ему благополучное и доброе. Захарія смутился и утрашился, увидѣвъ ангела, какъ по причинѣ новости и необычности для него такого видѣнія, такъ и по причинѣ необычайной красоты и величія представшаго ему ангела. Подобное впечатлѣніе произвело явленіе небснаго посланника и на св. пророка Даніила, который самъ описываетъ, что онъ тогда чувствовалъ, такимъ образомъ: *не оста во мнѣ крѣпость, и сила моя обратися въ разсыпаніе, и неудержажъ крѣпости. Дан. 8 ст. 10 гл.*

*) Можно полагать, что воскуреніе ѳуміама не было дѣломъ простыхъ священниковъ. См., Исх. 30, 7; Левит. 16, 17 и др. Отсюда выводятъ нѣкоторые заключеніе о томъ, что Захарія былъ первосвященникомъ.... *Авт.*

Но послыку отличительный признак явленія истиннаго посланника Божія есть тотъ, что это явленіе съ начала, — какъ замѣчаютъ многоискусенные великіе подвижники, — приводитъ чело-вѣка въ страхъ и смущеніе, а потомъ производитъ въ душѣ его радостное спокойствіе (тогда какъ при явленіи злаго духа наоборотъ); то сей небесный вѣстникъ прежде всего успокоиваетъ смущившаго Захарію, и тогда уже сообщаетъ ему радостную вѣсть о зачатіи и рожденіи отъ Елисаветы сына, рожденіе котораго принесетъ великую радость не только бездѣтнымъ дотолѣ родите-лямъ, но и другимъ. Что же это за сынъ, что о зачатіи его воз-вѣщаетъ особый посланникъ Божій, и рожденіе коего принесетъ ра-дость многимъ?—Уже самое имя, которое ангелъ назначаетъ ему, отчасти указываетъ на его великое значеніе. *Іоаннъ*, съ еврейскаго, значить: «Богъ умилосердился, далъ благодать». Посему, наз-вавъ имѣющаго родиться отъ Елисаветы — *Іоанномъ*, Ангелъ какъ бы такъ сказалъ о немъ: это такой чело-вѣкъ, въ рожденіи котораго люди, ожидающіе пришествія Мессіи, увидятъ открывающееся имъ великое милосердіе Божіе; ибо сей, имѣющій родиться съ од-ной стороны самъ будетъ исполненъ даровъ благодати для блага народа, а съ другой — будетъ предтечею Мессіи — Христа, съ при-шествіемъ котораго *прейдегъ снѣгъ законная, и явится благодать Божія, спасительная всѣмъ чело-вѣкомъ*. (Тим. 2, 11). Сообраз-но съ такимъ значеніемъ имени, даннаго Ангеломъ имѣющемуся родиться младенцу, въ словахъ Ангела *услышана бытъ молитва твоя* должно разумѣть не личную молитву Захаріи, въ которой онъ могъ испрашивать потомства, — а молитву о пришествіи Мессіи и о спасеніи людей, которую онъ, какъ священникъ, возносилъ къ Богу отъ лица всего народа. Подтверженіе сего можно видѣть въ томъ, что Захарія уже до того былъ чуждъ надежды на возмож-ность для него и жены его чадорожденія, что не повѣрилъ и сло-вамъ Ангела, предвозвѣстившаго ему о зачатіи отъ Елисаветы сы-на (20 ст.). Но кромѣ не прямого и не вполне яснаго указанія са-маго имени на значеніе имѣющаго родиться, вотъ прямое, ясное и полное изображеніе высокаго его достоинства и значенія, кото-рыя послужатъ источникомъ великой радости какъ для родителей его, такъ и для многихъ другихъ людей. — *Будетъ великій предъ Господомъ*, — характеризуетъ Ангелъ имѣющаго родиться — *и вина и сахара не имать пити, и Духа святаго исполнитъ еще отъ чрева матери своея. И многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ ко Господу Богу ихъ: и той предгидетъ предъ Нимъ ду-хомъ и силою Иліиною, обрати сердца отцемъ на чада, и противныя въ мудрости праведныхъ уготовати Господевы люди совершены. И такъ отъ Елисаветы родится чело-вѣкъ славный и ве-ликій, — великій предъ Господомъ. Хотя многіе изъ людей называ-*

лись и называются великими, но это ихъ величіе—относительное, —оно усвоено имъ такими же людьми, въ глазахъ и передъ судомъ которыхъ и малое само по-себѣ цѣнится очень высоко. Іоаннъ же будетъ истинно великій, великъ предъ Господомъ, который, какъ Единый только всесовершенно великій, множетъ знать и безошибочно цѣнить все, что истинно велико. Это величіе Іоанна выразится въ его свойствахъ и дѣствіяхъ. Онъ не будетъ пить ни вина, ни сахара, т. е. ни винограднаго вина, ни всякаго другаго опьяняющаго напитка. *). Въ ветхомъ завѣтѣ воздерживаться отъ сихъ напитковъ обязывались одни Назорей,—люди посвятившіе себя Богу. Посему, когда говорится, что Іоаннъ вина и сахара не имать пити, это значить, что онъ во всю жизнь свою будетъ вести себя такъ, какъ посвященный Богу. Но такъ какъ онъ предназначенъ для особаго великаго дѣла Божія, то кромѣ сего ему надлежитъ получить особенное освященіе свыше: *Духа святаго исполнитися изъ чрева матери своей*,—что дѣйствительно и сбылось, когда Пресвятая Дѣва Марія пришла посѣтить Елисавету, носившую во чревѣ Іоанна. Цѣлю же дѣятельности Іоанна, для которой ему нужно особенное, благодатное освященіе, будетъ обращеніе многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ ко Господу Богу ихъ. Для достиженія сей цѣли ему потребно имѣть такое свойство, вести такой образъ жизни, и дать такой характеръ своей дѣятельности, каковы были личныя свойства, образъ жизни, и характеръ дѣятельности пророка Іліи. Дѣйствительно, сравненіе сего новозавѣтнаго пророка съ ветхозавѣтнымъ Ілію, доказываетъ почти совершенное сходство между сими великими мужами. Вотъ для примѣра нѣсколько чертъ характера и жизни того и другаго. Какъ Ілія до конца жизни своей пребылъ дѣвственникомъ; точно такъ же и Іоаннъ. Какъ Ілія велъ суровый образъ жизни, жилъ въ пустынѣ, питаясь скудною пищею; точно такъ же и Іоаннъ. Ілія,—съ пламенною ревностію, удивительною неустрашимостію и рѣзкою строгостію обличалъ Израилтянъ за идолопоклонство и нечестіе, и самаго царя ихъ Ахава за идолопоклонство и преступное самоубиеніе. И Іоаннъ съ *рѣзкою безцеремонностію* восклицалъ къ собравшимся къ нему, закоренѣлымъ въ порокахъ Іудеямъ: *порожденія ехиднова, кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва?* (Лук. 3, 7);—и изъ его же устъ немолчно слышалась эта грозная настойчивая укоризна незаконному царю Ироду: *недостойтъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего* (Мар. 6, 18)... Даже и по ви́шнему виду сіи великіе пророки были сходны между собою. Объ Іліи говорится: *мужъ косматъ и поясомъ усменнымъ препоясанъ о чреслахъ своихъ* (4 Цар. 1, 8). Такъ же описываетъ

*) Сикоръ-составленный изъ разн. плодовъ опьяняющій напитокъ, употреблявшійся на востокъ, особенно людьми богатыми. *Ред.*

евангелистъ Маркъ наружный видъ и Іоанна: *оболченъ власы вел. блужди, и пояс усменъ о чресльхъ его* (Мар. 1, 6). Посему, имѣя въ виду такое близкое сходство предтечи Христова Іоанна съ славнымъ Ілією, Богодухновенный пророкъ предсказывая о его явленіи предъ пришествіемъ Мессіи, прямо назвалъ его Ільею Оесвитяниномъ. *Се азъ пошлю вамъ Ілію Оесвитянина, прежде пришествія дне Господня великаго и просвъщеннаго* (Мал. 4, 6). Благодаря тому, что Предтеча Христовъ явится въ духѣ и силѣ Іліи, ему дѣйствительно удастся какъ предсказано было о немъ (Мал. 4, 6) *обратити сердца отцемъ на чада, и противныя въ мудрости праведныхъ*. Іоаннъ своимъ словомъ и примѣромъ своей жизни произведетъ въ развращенныхъ Іудеяхъ такую переменъ, что св. праотцы ихъ, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и другіе, до толъ, какъ бы отвращавшіеся отъ своихъ потомковъ за ихъ неблагочестіе, — благосердно призрять на нихъ и порадуются, — тому именно что ихъ потомки не (всѣ, а нѣкоторые изъ нихъ) бывъ противными, т. е. упорно коснѣвшими въ невѣрїи, обратятся къ мудрости, праведныхъ, къ такому образу мыслей, какой характеризуетъ людей праведныхъ т. е. къ вѣрѣ, страху Божию и любви. Приведа въ такое благое расположеніе сердца нѣкоторыхъ Іудеевъ, св. Іоаннъ и приготовилъ сихъ послѣднихъ къ принятію Мессіи, Спасителя міра, и такимъ образомъ *уговаривалъ* грядущему по немъ Господу *путь, представивъ Ему люди совершены*. Но Захарїя, выслушавъ эту величественную характеристику импющаго родиться отъ него сына, — несмотря на то, что былъ праведенъ предъ Богомъ, невдругъ повѣрилъ сказанному Ангеломъ и въ этомъ случаѣ далеко уступилъ въ вѣрѣ праотцу своему Аврааму. Сей послѣдній, получивъ обѣтованіе о рожденіи сына при старости лѣтъ, какъ и Захарїя, *не изнемогъ въ рою, ни усмотри своя плоти, уже умерщвленныя, столтъенъ нгдѣ сий, и мертвосты ложеснъ Сарриныхъ: Во обѣтованїи же Божїи не усумнѣся неврованїемъ, но возможе въ рою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити*. (Рим. 4, 17). Захарїя же, не сообразуя предвозвѣщеннаго ему съ всемогуществомъ Божїимъ, и измѣряя дѣло только силами человѣческими, не могъ согласить въ своемъ умѣ того, какъ отъ заматорѣвшихъ во днѣхъ можетъ родиться сынъ — великій предъ Господомъ. Въ слѣдствіе сего Захарїя считаетъ даже подозрительнымъ внезапно явившагося ему благовѣстителя, и, не придавая авторитета однимъ словамъ его, требуетъ отъ него знаменїя: *Почесому разумью сие? азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ. — Азъ есмь Гавріилъ предстояй предъ Богомъ, — отвѣчаетъ на это Захарїя Ангель, — и посланъ есмь глаголати къ тебѣ, и благовѣстити тебѣ ся*. 19 ст. Ангель какъ бы такъ говоритъ Захарїи: не

считай меня за обманщика; я говорю это не отъ себя, но отъ лица Самаго Всемогущаго, Которому я постоянно служу, и отъ котораго я теперь посланъ къ тебѣ возвѣстить только Его волю». Посему Ангель хотя уважилъ просьбу Захаріи,—далъ ему знаменіе, но—такое, которое бы послужило вмѣстѣ и наказаніямъ для него за невѣріе. *Се будешь молча и немойй проглаголати, до нею же дне будутъ сіи, зане невпровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбдутся во время свое.* 20 ст. Основываясь на словахъ 62-го стиха сей же главы, гдѣ говорится, что родственники и знакомые по маваху Захаріи,—какъ бы онъ хотѣлъ назвать уже родившагося сына, а не словами предложили ему объ этомъ, можно заключить, что Захарія былъ наказанъ не только нѣмотою, но и глухотою,—глухотою за то, что не *внялъ* съ покорливою довѣрчивостію словамъ Ангела, и нѣмотою за то, что осмѣлился возразить посланику всемогущаго.—Будучи задержанъ въ алтарѣ явленіемъ и бесѣдою Ангела, а вѣроятно еще и сосредоточеннымъ размышленіемъ о словахъ Ангела, по его удаленіи, Захарія, противъ обыкновенія замедлилъ выходомъ къ народу, ожидавшему его въ притворѣ, чѣмъ привелъ его въ недоумѣніе. Но это недоумѣніе разрѣшилось, когда, по выходѣ изъ олтаря, уже глухонѣмой Захарія знаками далъ понять на роду, въ чемъ дѣло.—Вотъ дни очередной службы Захаріиной,—во время которой онъ долженъ былъ постоянно находиться при храмѣ,—кончились,—и, едва только глухонѣмой священникъ возвратился домой, обѣтованіе, сообщенное ему Ангеломъ, начинаетъ уже приходить въ исполненіе. *По сихъ же днехъ зачатъ Елисаветъ, жена его, и таяшеса мѣсяцъ пять, маголющи, яко тако мнѣ сотвори Господь во дни, въ яже призрѣ отгяти поношеніе мое въ челоуцѣхъ.* 24 и 25 ст. Какъ зачавшая уже въ старости Елисавета, по чувству ли стыда, или скорѣе по чувству недоувѣрчивой радости, по чувству страха, обмануться въ исполненіи своей пламенной надежды... укрывала отъ людей свое зачатіе,—доколѣ это было возможно для нея. Но въ то же время, въ глубинѣ своей души, она непрестанно благодарила (за это) Господа, и весьма радовалась своему зачатію,—и именно потому, что съ рожденіемъ дитяти она надѣялась избавиться отъ тѣхъ насмѣшекъ и укоризлъ, которымъ обыкновенно подвергались у Евреевъ женщины неплодныя. Евреи, въ виду надежды на обѣтованіе благословеннаго сѣменіи, весьма дорожили чадородіемъ, какъ знакомъ особеннаго благоволенія Божія,—равно какъ и унижали, поносили и даже презирали въ женщинахъ безчадіе, считая его знакомъ неблаговоленія Божія къ челоуку за его недостойнство.—Нося младенца во чревѣ своемъ уже около шести мѣсяцевъ, праведная Елисавета еще не подозрѣвала, что она носитъ Предтечу и предвозвѣстника Тому, кто еще болѣе чудеснымъ образомъ за-

чался тогда во чревѣ ея родственницы Пресвятой Дѣвы Маріи.— Въ мѣсяць шестой, говоритъ евангелистъ,— *Ангелъ Гавріилъ посланъ бысть отъ Бога во градъ Галилейскій, ему же имя Назаретъ, къ Дѣвѣ, обрученный мужеву, ему же имя Иосифъ, отъ дома Давидова, и имя Дѣвѣ Маріамъ.* (26 и 27 ст.).

(Продолженіе будетъ).

Отличительный характеръ Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

Очевидно, что противопоставляемые критическіе взгляды на евангеліе Іоанна основываются не на безпристрастномъ изслѣдованіи исторіи, а на субъективныхъ предположеніяхъ, на непонятномъ желаніи, въ силу предзанятой мысли, противустать живой, наглядной истинѣ. Выше мы имѣли случай замѣтить, какъ важны были въ глазахъ апостола Іоанна путешествія І. Христа въ Іерусалимъ и почему онъ въ своемъ евангеліи даетъ преимущественное мѣсто Іерусалиму. Дѣло въ томъ, что цѣль творенія Іоаннова—была представить своимъ читателямъ истины наиболѣе глубокиа и возвышенныа и преимущественно тѣ откровенія Іисуса Христа, которыа Онъ давалъ о Себѣ собственно въ центрѣ іудейской іерархіи. Поэтому не естественно ли, что значительную часть событій, совершившихся собственно въ Галилеѣ, Іоаннъ проходитъ молчаніемъ и, въ своемъ твореніи, даетъ преимущественное мѣсто тѣмъ, которыа случились собственно въ Іудеѣ и главнымъ образомъ въ Іерусалимѣ? Такъ евангелистъ Іоаннъ, кромѣ указанной нами выше исторіи дѣтства Спасителя, опускаетъ: Крещеніе Іисуса Христа, котораго онъ касается только отчасти; сорокадневный постъ и искушеніе І. Христа въ пустынѣ; преображеніе Господне; прогнаніе бѣсовъ; установленіе Тайнства св. Евхаристіи, котораго онъ касается только мимоходомъ и наконецъ вознесеніе Господне. Но спрашивается, неужели, опуская эти событіа евангелистъ Іоаннъ поступаетъ такъ потому, чтобы дать большую цѣну своему творенію, какъ это думаетъ находить отрицательная критика? Отвѣчаемъ отрицательно. Евангелистъ Іоаннъ вовсе не потому не разбираетъ многихъ дѣйствій Богочеловѣка въ средѣ галилейскаго народа, чтобы предать большее значеніе, интересъ своему евангелію, но потому, говоритъ Бунзенъ, что онъ и не нуждался въ описаніи вѣхъ подробностей для главной и существенной своей цѣли (78). Въ самомъ дѣлѣ, подробности этой дѣятельности Іисуса Христа еще раньше

были изложены въ первыхъ трехъ евангеліяхъ и такъ какъ въ нихъ записаны дѣла І. Христа, совершенныя Имъ собственно въ Галилеѣ, въ средѣ чисто народной, простой, въ которой Онъ обыкновенно мало высказывался о Своемъ внутреннемъ достоинствѣ, то натурально, что Іоаннъ и сдѣлалъ пропускъ ихъ и дополнилъ этотъ пробѣлъ тою дѣятельностію Іисуса Христа, которая раскрывалась по преимуществу въ Іерусалимѣ, въ средѣ іудеевъ ученыхъ, въ кругу цѣлой фарисейской школы, гдѣ она достигала самой высокой степени своего развитія и, обнаруживаясь въ борьбѣ свѣта съ тьмою, вѣры съ невѣріемъ, любви съ ненавистью, вполне открывала внутреннее достоинство и величіе Господа. Поэтому, если праздничныя путешествія Іоаннъ и отстываетъ отъ повѣствованій «супернатуральныхъ» и такимъ образомъ рознится даже въ самомъ планѣ съ послѣдними, то это говоритъ только за особенность цѣли четвертаго евангелія, а отнюдь не доказываетъ того мнимаго противорѣчія, какое думаетъ находить здѣсь отрицательная критика. Въ существѣ дѣла четвертое евангеліе, какъ и первые три евангелиста, тоже сообщаетъ намъ полную жизнь Іисуса Христа и при томъ въ самой положительной и индивидуальной формѣ.

Слѣдовательно праздничными путешествіями евангеліе Іоанна не только не противорѣчитъ повѣствованію остальныхъ евангелистовъ, но еще пополняетъ и, такъ сказать, округляетъ ими земную жизнь Іисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, первые три евангелиста пропустили равныя событія жизни Богочеловѣка, и начали свой рассказъ о томъ, какъ Іисусъ Христосъ, послѣ смерти Крестителя, началъ свою общественную дѣятельность въ Капернаумѣ, гдѣ Онъ явился какъ народный учитель и, постоянно вращаясь въ извѣстномъ кружкѣ своихъ учениковъ, выступалъ съ твердымъ призваніемъ соединиться съ Нимъ, въ Его мессіанствѣ и изъ предѣловъ Галилеи они не выводятъ прямо своего рассказа. Тогда какъ Іоаннъ, выставляя событія, случившіяся предъ временемъ заключенія крестителя въ темницу, знакомитъ насъ съ ранними обстоятельствами жизни Господа, какихъ нѣтъ у остальныхъ евангелистовъ. При этомъ въ ходѣ дальнейшей исторіи жизни Господа мы также встрѣчаемъ значительныя дополненія и это мы находимъ благодаря именно тому хронологическому началу, какое Іоаннъ привялъ для своего творенія, т. е. праздничнымъ путешествіямъ, о которыхъ, по повѣствованію другихъ евангелій, мы не имѣли бы такого нагляднаго представленія. Ибо первые три евангелиста, при повѣствованіи о дѣлахъ и ученіи Іисуса въ Галилеѣ, представляютъ дѣло такъ, будто Онъ ни разу не посѣщалъ Іерусалима и не бывалъ въ немъ до времени послѣдней пасхи. Тѣмъ не менѣе, говоря такимъ образомъ, мы слишкомъ далеки той мысли, будто путешествія эти «во все не были извѣстны тремъ первымъ евангелистамъ», какъ это

утверждаютъ критики евангельской исторіи. Возраженіе, которое ставится нѣкоторыми изъ нихъ», ⁷⁹⁾ что сѣноптики ничего не знаютъ о праздничныхъ путешествіяхъ Іисуса въ Іерусалимъ» не вѣрно и безосновательно. Данныя на то, что и по сѣноптическимъ повѣствованіямъ Іисусъ Христосъ нѣсколько разъ былъ въ Іерусалимѣ и также хорошо былъ знакомъ съ нимъ, какъ повѣствуетъ объ этомъ и Іоаннъ, мы можемъ выводить изъ многихъ мѣстъ трехъ первыхъ евангелій. Нѣприм. мѣста, какъ Матѣ. XXIII, 37, и Луки XIII, 34 ясно показываютъ, что Іисусъ Христосъ неоднократно былъ въ Іерусалимѣ. Тѣже евангелисты, говоря объ Іосифѣ Аримавейскомъ, тайномъ ученикѣ Іисуса Христа, замѣчаютъ, что онъ жилъ въ Іерусалимѣ (Матѣ. XXVII, 57; Лук. X, 38) и имѣлъ здѣсь свои гробницы (Матѣ. XXVII, 60). Далѣе евангелистъ Лука повѣствуетъ (л. X, 38), что Іисусъ Христосъ находился въ самыхъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ одною фамиліею, жившею въ Виваніи близъ Іерусалима. Наконецъ мы находимъ ясное свидѣтельство того, что Іисусъ Христосъ не только Самъ хорошо зналъ Іерусалимъ, но что и Его знали жители этого города и вообще іудеи: *καὶ ἠκολούθησαν αὐτῷ*, повѣствуетъ Матѣей (VI, 25) и Маркъ (III, 7), *ὄχλοι πολλοὶ ἀπὸ.... καὶ Ἱεροσολύμων καὶ Ἰουσαίας καὶ πολλὴ πλῆθος ἀπὸ τῆς Γαλιλαίας ἠκολούθησαν αὐτῷ καὶ ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας καὶ ἀπὸ Ἱεροσολύμων*. Спрашивается, какимъ же образомъ жители Іерусалима и Іудеи приходили къ Іисусу Христу и слѣдовали за Нимъ, если Онъ не ходилъ по Іудеи и Іерусалиму? Развѣ только одинъ слухъ о Немъ привлекалъ *πολλὴ πλῆθος* наугадъ, который, не зная даже временнаго пребыванія Іисуса, гдѣ именно Онъ находился,—ходилъ ли по Галилеѣ или еще гдѣ, и тамъ искали Его и потомъ уже послѣдовали за Нимъ?—Основательнѣе всего допустить тотъ несомнѣнный фактъ, что чрезъ эту обыкновенную форму замѣчанія, какъ говоритъ Ебрардъ ⁸⁰⁾, Матѣей и Маркъ должныствовали неволью обозначить, что Іисусъ Христосъ Самъ ходилъ чрезъ означенныя страны. Иначе могли ли всѣ эти евангелисты такимъ образомъ повѣствовать, если бы они не знали о томъ, что Іисусъ Христосъ не разъ бывалъ въ Іерусалимѣ? При томъ же, къ чему было записывать имъ воззваніе Господа къ Іерусалиму и Его чадамъ (Матѣ. XXIII, 37; Лук. XIII, 34), если бы оно не говорило о слишкомъ хорошемъ знакомствѣ Господа съ этимъ городомъ и его жителями? Не странно ли было то обстоятельство, что Іисусъ Христосъ, будучи совершенно неизвѣстный

79) Штрауссъ, де-Ветте, Толлюкъ и др. см. объ этомъ подробно у Ебрарда *Wissensch. kritik d. ev. Geschichte* 1866. s. 180.

80) *Ibid.*

Иерусалиму, вдругъ почему-то находить Себѣ такое теплое, искреннее сочувствіе со стороны Иерусалимлянъ, при входѣ въ ихъ городъ на послѣднюю Пасху? Далѣ первые три евангелиста замѣчаютъ, что Іосифъ Аримаѳейскій, который жилъ въ Иерусалимѣ, былъ ученикомъ Іисуса Христа (Матѳ. XXI, 57 и Лук. XXIII, 40). Теперь, какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться Его ученикомъ, если не признать за несомнѣнное, что этому помогли или способствовали именно праздничныя путешествія Іисуса въ Иерусалимъ? Штрауссъ думаетъ объяснить это тѣмъ, будто Іосифъ могъ познакомиться съ Іисусомъ Христомъ скоро, даже за нѣсколько дней до Его смерти⁸¹⁾, но такое объясненіе крайне безосновательно и совершенно произвольно. Мѣста евангелиста (Матѳ. IV, 25. Мар. III, 7. Лук. IX, 51) и проч. говорятъ далеко не въ пользу такого предположенія Штраусса, хотя онъ къ тѣмъ мѣстамъ и не питаетъ никакого уваженія. Равнымъ образомъ невѣроятнымъ и необъяснимымъ представляется то обстоятельство, какъ Іисусъ Христосъ могъ войти въ такія дружескія отношенія съ домомъ Лазаря, если не допустить, что Онъ неоднократно бывалъ въ Иерусалимѣ и здѣсь встрѣчался съ нимъ? А между тѣмъ мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ, при вѣсти о смерти Лазаря, такъ глубоко былъ тронутъ, что не могъ даже пересилить того естественнаго чувства скорби, какое заговорило въ Его любвеобильномъ сердцѣ въ тотъ грустный для Него моментъ, и *прослезися Іисусъ*, замѣчаетъ евангелистъ. Очевидно, что допустить такую близость отношеній между Іисусомъ Христомъ и Лазаремъ не иначе возможно, какъ только при условіи ихъ не первой встрѣчи, а этой послѣдней всего естественнѣе могли, конечно, служить тѣ праздничныя путешествія, о которыхъ повѣствуетъ Іоанново евангеліе. Кромѣ этихъ указаній евангелистовъ—ходить въ Иерусалимъ въ извѣстное время Іисуса Христа обязывалъ и самый законъ, какъ природнаго іудея, и у евангелиста Луки мы находимъ, что Іисусъ Христосъ еще будучи 12 тилѣтъ ходилъ въ Иерусалимъ на праздникъ Пасхи вмѣстѣ съ своими родителями II, 41—51; равнымъ образомъ въ XVII, II этого же евангелиста мы читаемъ и *бысть идущу ему во Иерусалимъ κατ'εἰνέτο ἐν τῷ πορεύεσθαι αὐτόν εἰς Ἱερουσαλῆα.*), на что Вейцеккеръ⁸²⁾ замѣчаетъ весьма справедливо, что отдѣлы евангелія Луки какъ наприм. X, 39 ст. и XXIII, 5 даютъ основательное предположеніе допустить, что наиболѣе продолжительная дѣятельность Іисуса Христа была именно въ Іудеѣ. Слѣдовательно упрекать Іоанна въ мнимомъ противорѣчій тремъ первымъ евангеліямъ, утвер-

81) Ibid. s. 183.

82) См. у Ebrard'a Wissensshatt. kritik s. 181.

ждать, будто онъ говоритъ о такихъ вещахъ, о которыхъ другіе евангелисты ничего не знаютъ (какъ праздничныя путешествія)— прямая, намѣренная и ничѣмъ не оправдываемая несправедливость.

Не менѣе важно для насъ и другое возраженіе отрицательной критики, оспаривающее достовѣрность повѣствованія четвертаго евангелія—это возраженіе относительно дня смерти Господа. Вопросъ этотъ поднятъ былъ еще съ самаго начала критики⁸³⁾ и важенъ для насъ потому собственно, что и въ настоящее время онъ находитъ себѣ горячихъ поборниковъ со стороны нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ. Такъ, кромѣ Штраусса, Ренана, доказывающихъ, что разногласіе въ опредѣленіи дня смерти Господа въ четвертомъ евангеліи представляетъ такое очевиднѣйшее противорѣчіе, какого еще трудно поискать между нимъ и синаоптиками,—Пфлейдереръ утверждаетъ, что евангелистъ Іоаннъ нарочито измѣнилъ день смерти Иисуса и перенесъ съ 15-го числа Нисана, какъ это находится у синаоптиковъ, на 14-е, и для того, говоритъ онъ дабы чрезъ совпаденіе прообраза съ исполненіемъ, самымъ очевиднѣйшимъ образомъ представить Иисуса, какъ истиннаго пасхальнаго Агнца, чрезъ жертвоприношеніе котораго пасха іудейская и ея жертвы должны были потерять свое значеніе. Ибо, говоритъ Пфлейдереръ, по повѣствованію синаоптиковъ, въ четырнадцатый день Нисана Иисусъ еще праздновалъ Пасху съ учениками и только на 15-тый день скончался. Гдѣ же, возражаетъ онъ, искать историческую достовѣрность—у синаоптиковъ или у Іоанна?⁸⁴⁾

Невдаваясь въ подробный анализъ этого вопроса (что можетъ составить отдѣльный трудъ) коснемся его настолько, на сколько это необходимо для нашей цѣли и разберемъ только главное: дѣйствительно ли евангелистъ Іоаннъ противорѣчитъ тремъ первымъ въ такой формѣ, въ какой это представляется на взглядъ критики и не примиряется ли его quasi—разнорѣчивое повѣствованіе съ остальными самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, какъ вполне справедливое и исторически-вѣрное повѣствованіе?

Замѣчаніе, дѣлаемое отрицательною критикою, будто мѣста первыхъ трехъ евангелистовъ—Матѣ. XXVI, 17—20; Марк. XIV, 12; Лук. XXII, 17, опредѣленно показываютъ, что Иисусъ Христосъ вкушалъ пасху вечеромъ 14-го Нисана, слѣдовательно вмѣстѣ съ іудеями и что это число падаетъ на четвертокъ, тогда какъ по сказанію Іоанна 14-е число упомянутаго мѣсяца была пятница,

83) Такъ Бретшнейдеръ, а за нимъ Бауръ, Шверлеръ и друг. утверждали, будто евангелистъ въ опредѣленіи дня смерти Иисуса Христа противорѣчитъ сказанію о томъ трехъ первыхъ евангелій.

84) См. Zeitschrift für wissenschaftlich. Theologie herausgegeben von Hilgenfeld 1869. въ статьѣ: «Beleuchtung der neuesten Johannes Hypothese Otto Pfleiderer» a. S. 398.

въ которую Иисусъ Христосъ былъ уже распятъ, значить Онъ совершилъ свою тайную вечерю раньше и именно 13 го Нисана, — вполне справедливо и очевидно даже для поверхностнаго читателя. Тѣмъ не менѣе оно неслужить доказательствомъ того мнимаго противорѣчя, какое выводятъ изъ него оспаривающіе подлинность четвертаго евангелія. Мы знаемъ, что всѣ евангелисты одинаково передаютъ, что Иисусъ Христосъ умеръ въ пятницу⁸⁵⁾; знаемъ также, по единогласному же повѣствованію всѣхъ евангелистовъ, и то, что онъ совершилъ свою тайную вечерю съ учениками не въ самый день своей смерти но на канунъ ея, а если такъ, то слѣдовательно не въ пятницу, а въ четвергъ. Въ чемъ же теперь вопросъ? Вопросъ очевидно въ томъ: необходимо опредѣлить отношеніе четверга и пятницы—дней тайной вечери и смерти Господа—къ дню праздника іудейской пасхи, дабы такимъ образомъ видѣть точно ли Иисусъ Христосъ совершалъ пасху вмѣстѣ съ іудеями т. е. въ пятницу 14-го Нисана или же раньше ихъ, и затѣмъ на четвергъ ли или пятницу падало 14-го Нисана? Въ третьей книгѣ Моисея такъ говорится о законномъ днѣ празднованія пасхи іудеями: въ первомъ мѣсяцѣ (т. е. Нисанѣ), въ четвертый на десять день мѣсяца, между вечерними, пасха Господу: и въ пятый на десять день мѣсяца перваго, праздникъ опрѣсноковъ Господу⁸⁶⁾. Выраженіе «между вечерними» опредѣленно показываетъ, что іудеи должны были праздновать свою пасху вечеромъ 14 го Нисана, съ котораго начинается слѣдующій день—главный праздникъ опрѣсноковъ—т. е. 15-е число. Очевидно, что такое законное постановленіе о днѣ іудейской пасхи имѣеть въ виду только опредѣленное число—именно 14 го Нисана, о днѣ же, въ который надлежало праздновать пасху, нѣтъ и рѣчи,—будетъ ли это среда, четвергъ или пятница. Теперь, если всѣ евангелисты одинаково повѣствуютъ, что Иисусъ Христосъ былъ распятъ въ пятницу, въ тотъ именно день, ввечеру котораго была законная пасха іудеевъ, то само собою понятно, что Иисусъ Христосъ совершилъ свою тайную вечерю съ учениками въ четвертокъ 13 го Нисана, значить на канунъ іудейской пасхи, а не одновременно съ іудеями. Мѣста трехъ первыхъ евангелистовъ⁸⁷⁾, на которыя думаетъ опираться отрицательная критика, утверждая, что въ тѣхъ есть прямое указаніе на празднованіе І. Христомъ пасхи вмѣстѣ съ іудеями въ четвертокъ, въ который было 14-е, а не 13-е Нисана, какъ выходитъ по евангелію Іоанна, скорѣе говорятъ въ пользу цѣлаго своего согласія съ повѣствованіемъ этого послѣдняго, чѣмъ слу-

85) См. Мат. XXII, 62—64; Мар. XV, 42; Лук. XXIII, 54; Иоан. XIX, 14, 31, 42.

86) Левитъ XXIII, 5—6.

87) Мате. XXVI, 17; Марк. XIV, 12; Лук. XXII, 1.

жать доказательствомъ его мнимаго противорѣчія съ собою. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе времени совершенія Иисусомъ Христомъ гайной вечери, какое мы находимъ въ повѣствованіяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, именно «*въ первый день опрѣсноковъ*», показываетъ не тотъ день, когда іудеи, по предписанію закона, должны были вкушать пасхальнаго агнца съ опрѣсноками т. е. 14-го Нисана, по канунъ этого дня 13-е число. Ибо евангелисты Маркъ и Лука прямо указываютъ на канунъ 14-го числа, а не на самое 14-е Нисана: *приближаешся же праздникъ опрѣсноковъ, глаголемый пасха*, говоритъ Лука XII, 1; равнымъ образомъ и евангелистъ Маркъ замѣчаетъ: *въ первый день опрѣсноковъ, егда пасху жряху*. Значитъ первый день опрѣсноковъ означаетъ здѣсь 13-е Нисана, день предшествовавшей пасхѣ или канунъ ея. А такъ какъ вкушеніе пасхальнаго агнца по закону должно было совершиться въ 14-й день Нисана и при томъ вкушеніе вмѣстѣ съ опрѣсноками, то само собою очевидно, что первый день опрѣсноковъ здѣсь означаетъ не пятницу, но четвергъ т. е. не 14 а 13-е Нисана. «*Что парасхебѣ*» говоритъ Гильгенфельдъ, должно означать здѣсь не канунъ субботы (т. е. не пятницу 14-е Нисана), но канунъ праздника (Пасхи т. е. четвергъ 13-е Нисана), то объ этомъ учитъ «и самъ евангелистъ Іоаннъ; ибо онъ *тобъ пѣсха прибавиль*»⁸⁸). Замѣчаніе Гильгенфельда вполне справедливо, иначе, зачѣмъ было бы евангелистамъ дѣлать поясненіе «*глаголемый пасха*» «*егда пасху жряху*» или какъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ: *прежде же праздника пасхи?* Понятно, что при такомъ замѣчаніи вообще всѣхъ евангелистовъ и частиѣ евангелія Іоанна (XIII, 1) нельзя допустить того, будто Иисусъ Христосъ совершилъ свою тайную вечерю въ самый праздникъ пасхи—14-го Нисана, а тѣмъ болѣе въ праздникъ опрѣсноковъ, который, начинаясь одновременно съ пасхою, праздновался собственно говоря уже на другой день пасхи т. е. 15-го Нисана. Дальнѣйшее раскрытіе этого вопроса, при свѣтѣ тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, какія сопровождали собою день тайной вечери и день крестныхъ страданій и смерти Иисуса Христа, вполне оправдаютъ тотъ несомнѣнный фактъ, что Іоаннъ совершенно согласенъ съ тремя первыми евангелистами въ опредѣленіи дня смерти Господа.

88) Zeitschrift für wissenschaftlich Theolog. Zweites Heft въ статьѣ Die neueste Leistungen in der Evangelien—Zorschung. s. 169.

Редакторы: { Прот. Ѡ. Никоновъ.
Свящ. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ.
Августа 14-го дня 1873 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейной.